

UDC 63.3 (2) 47

**UNKNOWN CHAPTER IN CAUCASIAN WAR (1848–1851): BLACK SEA
COASTLINE AND MINING**¹ *Vyacheslav I. Menjkovsky*² *Alexander A. Cherkasov*¹ Belarusian State University

6, Krasnoarmeiskaia St., Minsk, Belarus, 220030

Doctor of History, History Department, Professor

E-mail: menkovski@bsu.by

² Sochi State University for Tourism and Recreation

Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia

Doctor of History, Associated Professor,

Head of the Department of history and cultural studies

E-mail: sochio03@rambler.ru

The article concerns the unknown chapter in Caucasian War within the Black Sea coastline, namely mine outposts establishment and operational use.

Keywords: Caucasian War, mining, Navaginsky fortification, Russian Empire, Nicolas I.

В 1829 г. после Андрианопольского мирного договора территория Черноморского побережья от устья реки Кубань до Поти отошла к Российской империи. В то время на присоединенной территории проживали горские племенные образования: натухаевцы, шапсуги, убыхи, джигеты и садзы. С 1830 г. Россия начинает возведение в регионе крепостей.

Так, например, основанный в 1838 г. на берегу реки Соча (в последующем Сочи) форт Александрия был в 1839 г. переименован в форт Навагинский. Форт Навагинский находящийся в центре Черноморской береговой линии занимал важное значение во всей цепи русских укреплений, так как противодействовал активным контрабандным сношениям убыхов с Турцией. Соседство русских военных администраций с горцами носило сложный характер, так как у горцев постоянно находились английские, турецкие и другие эмиссары, которые подстрекали неисключенное в политике местное население к войне с русскими [1].

Стремясь предотвратить или минимизировать военные столкновения, Россия впервые в современной истории применила минные заграждения на электроуправлении. Известно, что первое упоминание о минах имеется в летописях Древнего Китая. В них был описан «подземный гром» — пороховой фугас с готовыми поражающими элементами. Такие мины зарывали у дорог и при появлении неприятеля подрывали при помощи шнура, пропитанного селитрой. История же современных мин началась значительно позже.

Историческая справка: В европейских исторических документах XIV–XV вв. мы находим описания и изображения двух типов камнететных фугасов. Первый тип – наклонный. Взрыв производился за счет форса пламени передаваемого по кожаной трубке, заполненной пороховой мякотью. Эта мина подобна современной мине типа МОН-50. Ее можно назвать противопехотной осколочной миной направленного поражения, т.к. камни, осколки металла вылетали в определенном направлении.

Второй тип – вертикальный. Мины второго типа обычно были более крупными и поражали солдат противника как тяжелыми камнями, так и силой взрыва. Их можно назвать противопехотными осколочными минами кругового поражения [2].

Такие мины являлись чисто оборонительным оружием. Они имели явное преимущество перед туннельными минами, т.к. не требовали много времени для установки, их можно было выставить за достаточно короткое время на угрожаемых направлениях, эффективность поражения наступающих вряд ли была ниже, чем у пушек. Однако они имели и существенный недостаток. Дело в том, что черный порох весьма гигроскопичен и охотно впитывает влагу, теряя способность к воспламенению. Сохранить же сухость пороха в земле было очень трудно и даже утренняя роса могла вывести мину из строя, не говоря о дожде или тумане. Поэтому применение камнеметных фугасов носило ограниченный характер.

Во второй половине 1840-х гг., в условиях Кавказской войны, русские оружейники разработали новейшее средство по организации обороны крепостей – мину на электроуправлении. В апреле 1847 г. в штабе Черноморской береговой линии начал обсуждаться вопрос об установке мин вокруг русских укреплений. Для обучения минному делу в Керчь были командированы чины лейб-гвардии саперного батальона Черноморской береговой линии, куда они были направлены в обстановке повышенной секретности [3].

С 1848 г. после периода обучения, начинается закладка мин и фугасов вокруг форта Навагинского [4]. Так, 25 и 26 мая были установлены в две линии 103 мины, на расстоянии друг от друга в 5–6 сот. Кроме того, 2 мины были установлены на горе Батарейка, управление которыми осуществлялось по электрическим проводам из укрепления. Подступы к юго-восточному бастиону были обеспечены 3 камнеметными проводными фугасами. 25 мая 1848 г. их впервые и опробовали. Произошло это следующим образом. Во время отступления отряда, установившего мины, на горе Батарейке показались горцы как раз на месте фугасов. Первый фугас был приведен в действие и разметал горцев. Ничего не понявшие горцы вечером опять появились на горе – в действие был приведен второй фугас. В июле того же года после сильных дождей с разрешения командующего Черноморской береговой линии в целях проверки был приведен в действие третий фугас [5]. Необходимо отметить, что после приведения в действие фугаса на его месте спешно, при первой возможности, устанавливался новый фугас. Таким образом линия обеспечения перед фортом не страдала и находилась в постоянной боевой готовности.

В ночь с 9 на 10 апреля 1849 г. в форте произошел сильнейший пожар, в ходе которого сгорели солдатские казармы [6]. Убыхи видели зарево пожара в форте Навагинском, однако наличие фугасов заставило горцев не предпринимать нападения в целях окончательного разгрома форта [7].

Закладка мин осуществлялась и в июне 1850 г. занимался их установкой поручик Кавказского саперного батальона Кузнецов. В это время было заложено 28 мин на подступах к форту, а также 3 мины на горе Батарейка [8]. Во время минирования, которое осуществлялось 20 июня, произошли перестрелки с горцами. В ходе этих столкновений гарнизон потерял убитыми 6 человек (2 унтер-офицера и 4 рядовых), помимо этого 1 рядовой был ранен [9]. В 1850 г. время от времени при обнаружении горцев мины приводились в действие. Так, были приведены в действие 3 камнеметных фугаса: 20 июня на горе Батарейка, 19 августа перед северо-восточным бастионом и 15 сентября на левом фланге юго-восточных мин [10].

Минные заграждения неизгладимо действовали на горцев в течение длительного периода – с 1848 г. по весну 1851 г. За это время, по свидетельству иеромонаха Ксенофонта (гарнизонный священник), вокруг крепости прекратились даже «мелкие шалости и воровство горцев» [11].

В феврале 1851 г. русской администрацией было обнаружено, что мины не действуют. Часть мин артиллеристами была вырыта и в ходе проверки выяснилось, что причиной послужила негодность гальванических проводников. Ситуация осложнилась еще более, когда из гарнизона произошла утечка информации и горцы стали выкапывать мины.

Весной 1851 г. обнаруживается, что несколько мин вырыто горцами – в этом подозреваются беглые русские солдаты [12]. Так, 1 апреля горцами было снято несколько приборов с минного поля и вырыта одна мина, 8 апреля еще одна мина унесена. Ответственным за установку мин был заведующий гарнизонной артиллерией поручик Лукьянов [13]. Для защиты мин сперва выставлялись ночные пикеты [14]. Однако находящиеся по ночам в условиях сырости солдаты начинали часто болеть, что привело к сокращению численности гарнизона. Тогда было решено заменить ночные пикеты на сторожевых собак, что было значительно дешевле. Собаки лаем подавали известие о приближении в ночное время противника, после чего следовал артиллерийский залп.

Однако по поводу мин необходимо было принимать скорейшее решение, и этот приказ последовал. Подписал его новый командующий Черноморской береговой линии генерал-адъютант Будберг, который предписал все мины вокруг форта Навагинского снять [15].

Дело о краже мин дошло до императора, и он лично предположил, что без преступного участия кого-то из гарнизона дело обойтись не могло, и назначил следственную комиссию [16].

Следственное дело о факте пособничества горцам велось подполковником Лейб-гвардии Драгунского полка Мейером летом 1851 г.

В ходе следствия были проведены допросы членов гарнизона, лояльно относящихся к русским горцев и даже горцев – участников краж тех самых мин, о которых велось дознание. По окончании дознания следственное дело составило два тома: первый – 657 страниц, второй – 516.

Приведем некоторые интересные свидетельства этого дознания.

«1851 июля 9-го дня.

Горец убыхского племени, дворянин Пата Чизма по прибытии моем в форт Навагинский был немедленно вызван ко мне и после долгих убеждений решился дать обещание: разузнать и сообщить мне, кто из гарнизона форта Навагинского передал горцам секрет расположения мин вокруг укрепления и указал возможность вынуть их не подвергаясь взрыву.

9 июля Пата Чизма явился ко мне тайно и показал, в присутствии переводчика поручика Черквиани: “Я, как изволите видеть, человек пожилой, потому проделками молодежи не занимаюсь. Оттого я и взял у Вас срок, чтобы узнать, как было дело о вырытии нашими молодцами ваших пороховых мин. Вот что молодцы мне рассказали. В прошлом году, когда были заложены мины на взгорье, днем они все по обыкновению завели перестрелку, стали мешать работать, хотя не знали еще, в чем они состоят. Когда солдаты закончили работы, наши высмотрели уже все, сколько это было возможно, и заметили ясно, что русские что-то клали в ямы и ровчики до самой крепости, захотели узнать, что именно было ими положено в землю. Взрытая рыхлая земля длиною канавой спускалась с горы, и некоторые молодые люди решились поразведать, что там – не порох ли? Ночью же, как все это было не видно из крепости, они стали шомполом и ножом пробовать и рыть эти ровчаки возле засыпанных ям, и ислезным крючком вытащили оттуда веревки какие-то. Один из них, закричав другим об этой находке, сильно потянул веревки из земли, товарищи стали подходить к нему, как вдруг последовал взрыв, полетели кверху множество камней, и двое из наших получили удары камнями в голову и

спину, когда нагнулись, чтобы избежать ударов. Тотчас же все они, страшно испугавшись, разбежались. Безотлагательно они сделали совещание с людьми более умными, опытными. Заклучая, что взрыв произошел от веревок, молодежь (в особенности по наставлениям живущего между ними, давно уже бежавшего от вас поляка) решила, прежде всего, отыскивать и отрубать эти веревки, чтобы из крепости нельзя было тянуть за них и тем делать взрыв; а тогда уже постепенно и осторожно не натяжая их, вынимать легко из земли и по ним доходить до мин. След веревки отыскать было легко, ощупывая железным крючком землю, которая по пути веревок оказывалась немного углубленной, спускаясь с крепости с горки длинной, узкою чертою. Отыскав веревки и обрезав их, молодцы над остальными осторожно приподнимали землю и дошли до мин. С величайшей осторожностью обкопав их, вынули. Порохом поделились между собою.

Вокруг крепости мы не знали, где были заложены мины, ибо их часто закладывали ночью, а частью нам не удалось тогда заметить, где именно, но беглые русские нам помогли. Сперва Питер Тоцкий, а потом другой беглый (Сиделко) еще удачнее водил два раза, и наши вынули две мины этой весной. Для того, говорят, прежде обрезали ножом проводники веревочные, или железные какие-то цепи, я не знаю, а потом вырыли.

Вот я сказал Вам всю истину, как что мог узнать от других. Но у нас был один молодец, который поссорился между своими и наделал им столько же пакостей, сколько их делывал русским, присужден был оставить родину. Он теперь скитается у соседей Джигетов и если захочет, то может удостоверить Вам лично во всем, ибо он был одним из главнейших участников”.

Показание это писано лично со слов переводчика Черкиани.

Следователь гвардии подполковник Мейер» [17].

11 июля на допрос был вызван скрывавшийся у джигетов горец Урус Взацис, он подтвердил показания Пата Чизма и добавил о ссоре между поляком Тоцким и бежавшим из укрепления Навагинского солдата Сиделко и сообщил, что Тоцкий убит [18]. В тот же день был проведен допрос горца Татлыстана Чирика: «...У старика Тлапса в ауле Апохау был пленный поляк или русский Питер (Тоцкий). Он еще с одним повел наших и достал из мин бочонок пороха, но потом узнали мы, что у Тлапса есть не один, а два русских; другой вдруг пришел к нему. Новоприбывший обещал нам достать много пороху из мин и набирал себе товарищей, и действительно они вдвоем привели наших к минам и вырыли сначала порох в железном ящике, в другой раз повел наших новый беглый один и вырыл медный бочонок с порохом. Порох был отличный, сухой. Этот беглый (говорили у нас) опять бежал от нас куда-то, а я вижу его вдруг здесь под арестом, и он упрекает меня, что я глуп, оставшись здесь заарестованным. Как его зовут, я не знаю, но в глаза ему смело скажу правду...» [19].

Приведем еще одни показания, взятые 5 августа у убыха Пшмаф Чирих:

«...Вдруг к нам явился солдат русский Иван Деревенка, пьяница горький, но славный дроворуб. Вскоре явился к старику Тлапсу еще один беглец, отчаянный пьяница. Он был у Вас здесь, наши узнали его и я тоже узнал. Это Сиделко...

Не знаю, что бы кто-нибудь из ваших был в особой дружбе с нашими и передавал что-нибудь из крепости нам. У нас есть лазутчики, которые служат Вам, но сказать всю правду и для себя не промахнуться, но об ваших я еще никогда ничего подобного не слышал....» [20].

Во всех следственных документах поражает одно, что все горцы, кого вызывал следователь, являлись и давали показания. Отсюда можно сделать вывод, что тяготение к русской администрации у убыхов было в достаточной степени распространено.

К моменту проведения следствия один из главных обвиняемых – бывший рядовой 8-го Черноморского линейного батальона Сиденку (Сиделко) – находился уже под стражей в форте Навагинском. Вина его в нанесении ущерба Российской империи посредством участия под его руководством в краже мин, была доказана полностью. Однако следствие, в век гуманизма (так называют XIX век), длилось над ним более двух лет. В конце 1853 г. Сиденку был признан виновным в государственной измене и приговорен военным трибуналом Отдельного кавказского корпуса к смертной казни через повешенье. Сиденку обратился с прошением о помиловании к императору Николаю I, однако император в прошении отказал. В результате во второй декаде января 1854 г. в Бомбарах приговор над изменником был приведен в исполнение [21].

В ходе следствия командир форта майор Кириллов был отстранен от должности, ему инкриминировали пренебрежение к службе, уклонение от истины в ответах и др. Должность командира форта Навагинского занял майор И.Я. Павлов.

10 января 1852 г. подполковник Мейер командованию Черноморской береговой линии изложил главные обвинения по делу о похищении мин. В них, в частности, отмечалось:

«1. Убыхи похитили те мины, будучи руководимы бежавшими из форта Навагинского Черноморского линейного № 8 батальона рядовыми Иваном Деревянко и Ефимом Сиденко и цирюльничьим учеником Петром Тоцким, из этих изменников Сиденко выведен из гор и содержится в укреплении Святого Духа; обвинение этих дезертиров в содействии убыхам в похищении мин основывается на показаниях мирных и вольных убыхов и подкрепляется подозрением, которое изъявляют все лица форта Навагинского; кроме того, пристав Джигетского народа и командир Черноморского линейного № 8 батальона майор Павлов, со слов известных ему убыхов и джигетов, положительно утверждал, что Сиденко участвовал с горцами в похищении мин.

...Вследствие сего я прошу Вашего Превосходительства: майора Кириллова перевести в такое место, где он не был бы старшим; рядового Сиденко предать военному суду, по полевым уголовным законам, при Черноморском линейном № 8 батальоне, сообщив комиссии военного суда и вышеупомянутый отзыв о нем майора Павлова; таковому же суду подвергнуть и дезертиров Деревянко и Тоцкого в случае поимки их» [22].

Таким образом дело о краже мин вокруг форта Навагинского стало самым громким делом, получившим скандальную известность на уровне Верховной власти. Подобной оплошности до сих пор не допускало ни одно укрепление Черноморской береговой линии, не случалось это и позже. В тоже время применение на территории Черноморской береговой линии мин на элетроуправлении стало одной из первых зафиксированных попыток не только в России, но и в мире.

Примечания:

1. Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3.

2. История минного дела // <http://gunlife.net/forum/topic133.html> (просмотрено: 22.11.2010 г.).

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 199.

4. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 299.

5. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 50.

6. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 817. Л. 9.

7. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 10. Л. 59.
8. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 57.
9. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1169. Л. 298.
10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 50.
11. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 299.
12. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.
13. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 120.
14. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 121.
15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 50.
16. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 299.
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 462–463.
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 464–466.
19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 467.
20. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 471–473.
21. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 50–51.
22. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1429. Л. 1–2.

УДК 63.3 (2) 47

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1848–1851 гг.): ЧЕРНОМОРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ И МИННОЕ ДЕЛО

¹ Меньковский Вячеслав Иванович

² Черкасов Александр Арвелодович

¹ Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, 6
доктор исторических наук, профессор кафедры истории
E-mail: menkovski@bsu.by

² Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
354003, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культурологии
E-mail: sochio03@rambler.ru

В статье рассматривается один из малоизвестных аспектов Кавказской войны на территории Черноморской береговой линии – создание и боевое применение минных оборонительных сооружений.

Ключевые слова: Кавказская война, минное дело, форт Навагинский, Российская империя, Николай I.